

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Алексея Глушановского
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

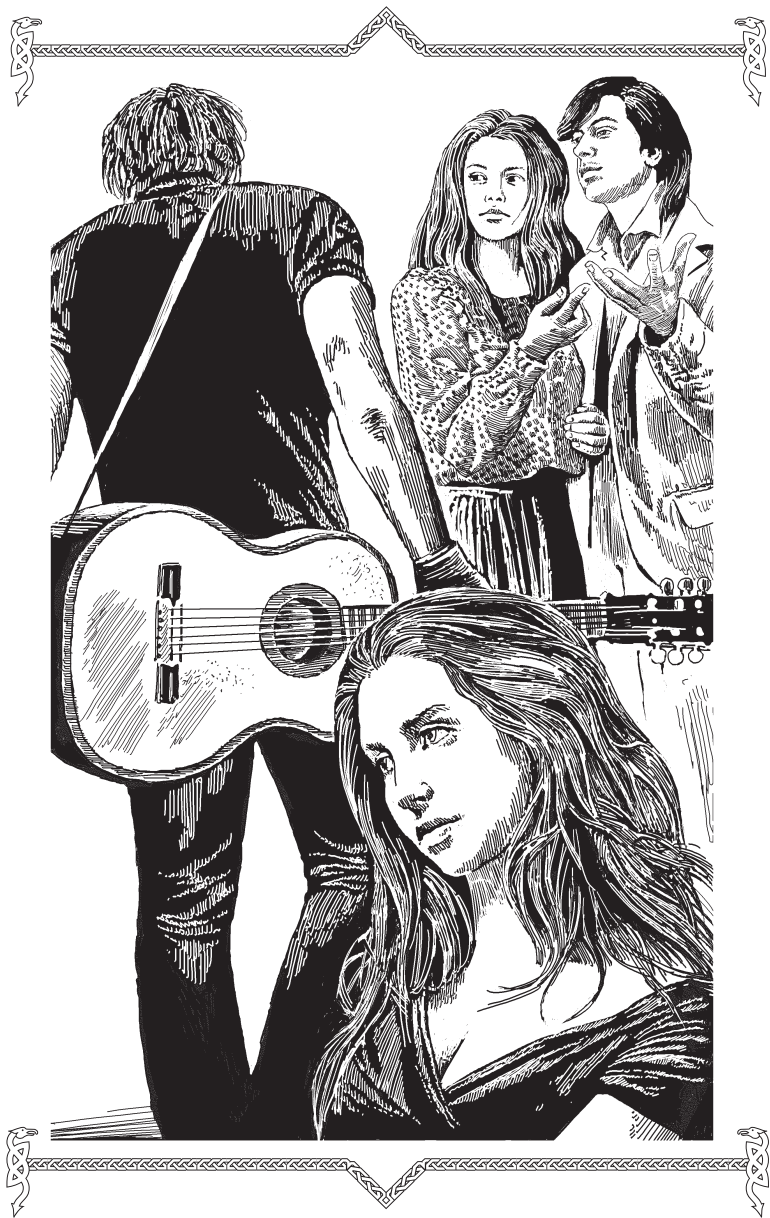
СЕРДЦЕ ВЬЮГИ
НАДЕЖДА ПУСТОШЕЙ
РОЖДЕНИЕ МАГИИ. ХРАНИТЕЛЬ МИРА

Цикл
«ПУТЬ ДЕМОНА»

ДОРОГА В МАГИ
ТРОПА ВОЛШЕБНИКА
СТЕЗЯ ЧАРОДЕЯ
ПУТЬ ДЕМОНА

В соавторстве со Светланой Уласевич

ЦЕНА ИМПЕРИИ

Алексей ГЛУШАНОВСКИЙ

**РОЖДЕНИЕ МАГИИ.
ХРАНИТЕЛЬ МИРА**

Роман

Москва, 2013

САРМАДА

&

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г55

Серия основана в 2004 году
Выпуск 464

Художник
С. А. Григорьев

Глушановский А. А.
Г55 Рождение магии. Хранитель мира: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 312 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1429-1

Когда миру грозит опасность, отчаявшимся он иногда дает шанс. Надежду на спасение, возможность повернуть удачу лицом и не только вернуть былые силы, но и сделать шаг вперед по ступеням истории и эволюции. Вот только почему на носителей странного и тяжелого дара, которые теперь единственные отделяют земную цивилизацию от полного краха и гибели, объявлена охота? И кто они, эти охотники? Люди? Или...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1429-1

© Глушановский А. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вересковый мед, мост тролля и странные новости

Жили-были два человека. Один — добрый, другой — злой. Добрый человек убил злого человека и сам стал злым. Количество добрых людей на планете уменьшилось на единицу, а количество злых — не изменилось.

Так выпьем же за то, чтобы не убивать злых людей, а иметь терпение и методично доводить их до самоубийства!

Первый тост очень доброго демона

— Угощайся. — Вошедший в номер обшарпанной сельской гостиницы худой и жилистый брюнет лет двадцати пяти на вид, с костистым и некрасивым лицом, одетый в походный, изрядно замызганный камуфляж и с гитарой за спиной, устало опустил на побитый жизнью и временем гостиничный стол небольшой бочонок, издававший приятный и какой-то завораживающий аромат.

— А где же «Привет, Сергей, как я рад тебя видеть» и все такое прочее, что обычно говорят друг другу при встрече вежливые люди? — немного брюзгливо отозвался, не поднимаясь с кровати, находившийся в номере немолодой мужчина лет тридцати пяти — сорока, в дорогом, но сейчас сильно помятом деловом костюме, с ранней сединой на висках и болезненно красноватым лицом.

— Устал, — коротко ответил вошедший, бережно снимая гитару и опускаясь в продавленное кресло. — Поход был тяжелым. К тому же ты здесь где-то видишь вежливых людей? — Он скептически осмотрел комнату, затем перевел взгляд на стоящие на столе пару граненых стаканов и, ловким движением откупорив принесенный с собой бочонок,

принялся разливать напиток. Комнату заполнило нежное благоухание.

— Ну, допустим, одного вежливого человека я вижу довольно-таки регулярно, каждый раз, когда смотрюсь в зеркало, — отозвался его собеседник, наконец-то вставая с продавленной кровати. — Однако ты прав... — Не окончив свою фразу, он осторожно принялся к разливавшемуся по комнатухе благоуханию и буквально подскочил к столу. — Это... Артур, это то, что я думаю, так? — с ужасом и восхищением вглядываясь в золотистый напиток в протянутом ему стакане, спросил он.

— Ну... Откуда же мне знать, что ты думаешь? Я пока мыслей читать не научился, да и учиться не намерен, — лениво протянул Артур, закатывая рукава камуфляжа и делая осторожный глоток из своего стакана. — Оно мне надо, знать, что и кто думает? Мысли-то, они бывают разные... Однако если ты сейчас думаешь о том, что это самый настоящий вересковый мед, изготовленный лучшими умельцами Туата де Данаан, то ты прав. Пей давай. Подарками фейри пренебрегать не стоит, — дружелюбно посоветовал он нерешительно смотрящему на напиток другу.

— Артур, ты знаешь, сколько он стоит? — Сергей все так же несмело поглядывал то на бочонок, то на стакан в своей руке. — Тут ведь литров пять будет, никак не меньше, — с одного взгляда оценил он объем принесенной емкости. — Я, конечно, понимаю, что вы, *барды*, все не от мира сего и цену деньгам представляете себе весьма плохо, но все же... Если продать этот бочонок...

— Мы не будем его продавать! — недовольным тоном отозвался парень, сердито поглядывая на своего друга и агента, не решающегося выпить зажатый в руке стакан. — Какая разница, сколько он стоит? Я же говорю, что это подарок!

— Да, но, может... — Судя по интонациям, звучащим в голосе Сергея, и взгляду, которым он уставился на небольшой бочонок, жаба, которая его сейчас душила, достигла просто невероятных размеров.

«Хороший он парень и за меня всей душой болеет, но вот правил не чует... — мелькнула в голове у Артура раздражен-

ная мысль. — В Феерии шансов у него бы не было. Жалко. Неплохой же человек. Вот только жадноват... Нельзя ему туда. Никак нельзя. Впрочем, это он понимает и сам и только завистливо смотрит мне вслед, когда я уйду в сторону сада, никогда не пытаюсь навязаться в спутники. За что и ценю».

— Нет. — Артур вздохнул и отхлебнул горьковатый напиток. Волна бодрости прошла по телу, смывая усталость и раздражение. Вересковый мед. Дар Туата де Данаан, полученный во время последнего похода в Феерию. Учитывая цену этого эликсира, пить жидкое золото было бы намного дешевле. — Это подарок. — Он вновь налил себе благословенной жидкости. — Именно подарок. Не плата. А подарки не передаривают и не продают. Ими разве что можно поделиться с хорошим другом. Что, собственно, я и делаю. Так что пей, не стесняйся.

Печально вздохнув, Сергей решительно поднял свой стакан и сделал большой глоток. Глаза его зажмурились, и по лицу разлилось выражение невероятного блаженства.

— Ну как? — Артур улыбнулся, приблизительно представляя, что чувствует сейчас его друг. Вересковый мед — непростой напиток, недаром его цена столь высока. Вот только людям, даже самым богатым, попробовать его доводится нечасто. Очень нечасто...

— Мм... Божественно! — выдохнул тот, подставляя опустевший стакан за новой порцией. Редкие морщины разглаживались прямо на глазах, ранняя седина на висках исчезла...

Слегка прищурившись, Артур взглянул на него *особым* взглядом. Да... Пожалуй, еще один-два стакана, и от начинающегося скоротечного рака легких, о котором Серж пока даже и не подозревает, но который к концу года мог бы свести его в могилу, не останется и следа. Так что... Вздохнув, бард налил ему очередную порцию напитка, не обделив и себя, и довольно откинулся в кресле.

— М-да... — Мягко покачиваясь на своей табуретке, Сергей разглядывал стакан на просвет.

— Ну что еще? — Заметив его нерешительность, Артур счел нужным немного поторопить друга. А то он так весь

вечер стакан в руках крутить будет, а медом не любоваться, его пить надо! И побыстрее, чтоб не выдохся.

— Да так... Ничего. — Сергей сделал небольшой глоток. — Просто немного непривычно вот так, в задрипанной, провонявшей клопами гостинице, в какой-то разнесчастной Шале, которая и не поймешь, то ли город, а то ли разевшаяся деревня, словно какой-то паленый самогон хлебать напиток ценой по сорок тысяч баксов за десять грамм. А мы — стаканами... Ты уверен, что его нельзя продать?

Артур печально вздохнул. Иногда эта людская манера все и вся мерить на деньги ужасно его раздражала. Но это нормально... Это естественно. Недаром же любого из бардов среди людей всегда сопровождает агент. Ради возможности бывать в Феерии они слишком далеко отошли от своих сородичей — настолько далеко, что для нормального взаимодействия уже требовался посредник.

Еще раз вздохнув, Арт перевел взгляд на сидящего перед ним мужчину. «Ну что за идиот, — недовольно подумал парень, слегка касаясь стоящей рядом с его креслом гитары. — Точнее, даже не идиот. Любому глущу было бы понятно, что мед следует пить, а не тратить свое и мое время, рассуждая на тему его гипотетической стоимости. Но все же... Это, пожалуй, единственный человек, которого я пусть с некоторой натяжкой, но могу назвать своим другом, а потому...»

— Уверен. Пей давай. И не вздумай пытаться «немножко сохранить на будущее», как ты это любишь, — предупредил он. Вообще-то этого не требовалось. Некоторые элементарные правила обращения с фейри и изготовленными ими предметами посредник знал, не мог не знать — должность у него такая, — но на всякий случай стоило подстраховаться.

— Эх... — Серж отчаянно махнул рукой и сделал небольшой глоток. — Спорткар последней модели, — прокомментировал он. Глоток побольше. — Квартира в центре Москвы. — Решительно допив остаток, он отчаянно выдохнул: — Особняк на Канарах! — и подставил стакан под новую порцию. — Слушай, вот как ты так? — Как всегда, подвыпившего Сержа потянуло на разговоры «за жизнь».

Впрочем, Артур был не против. Поход, из которого он

только что вернулся, потребовал от него предельного напряжения, и сейчас он был рад возможности расслабиться за легкой болтовней.

— Вот ты... я ладно, у меня-то никакого дара нет... Но ты? Ходишь в каких-то отрепьях — когда ты свой камуфляж последний раз менял, а? Года два ему уже или три? Даешь концерты по малейшей просьбе, за копейки или вовсе бесплатно, как в той больнице...

— Стоп! — прервал его собеседник. — Можешь не продолжать. Смысла все равно нет. Я эти твои излияния и так знаю. Ответ все тот же.

— Почему?! — в неподдельном отчаянии взвыл Сергей. — Я еще как-то могу понять эти твои бардовские заморочки насчет песен для бедных и тому подобной ерунды... Но что тебе мешает просто согласиться на предложение какой-нибудь из фирм звукозаписи о выпуске твоих альбомов? От этого ведь никто не пострадает! Только добро, как ты и требуешь. Тебе и мне — гонорар, фирме — заработки, твоим поклонникам — возможность слушать тебя в нормальной записи, а не пиратское аудио, втихаря записанное на концерте... Сплошные плюсы!

— Серж... — тихо прервал его излияния Артур, прикрыв глаза и мысленно приказывая себе успокоиться. На всякий случай он даже осторожно отвел левую руку, касавшуюся прислоненной к креслу потрепанной гитары, чтобы возникшие в его голове звуки «Черного марша» не вырвались в реальный мир.

Усталость и раздражение непонятливостью своего лучшего, да что там лучшего — единственного друга играли с ним дурную шутку. Легкой беседы не получалось, а потому ее следовало прервать, прежде чем гуляющая в нем злость и усталость могли бы вырваться наружу.

— Не надо. Пожалуйста, не надо, особенно сейчас. И прими добрый совет: никогда... никогда!!! кто бы и как бы тебя ни звал, какие бы гарантии безопасности тебе ни предлагали, не суйся в Феерию. Ты слишком лакомая добыча для любого фейри... Даже мне, хоть у меня и человеческое происхождение и душа имеется, что бы там ни говорили по этому поводу церковники, все равно иногда бывает трудно

удержаться. И давай сменим тему. Пожалуйста. — Он устало зевнул и откинулся на спинку кресла.

— Может, тебе стоит поспать? — осторожно поинтересовался Сергей, глядя на усталое лицо Артура. — Что-то ты нынче чересчур нервный. Что там было-то?

— Всего лишь открывшийся сид. Причем на территорию Благого Двора. Можно сказать, повезло, — усмехнулся Артур. — Но выложиться и впрямь пришлось не по-детски. В основном пока добирался до замка. Сам знаешь, новооткрывшиеся территории — довольно неприятное место для людей. А я, к сожалению, слишком во многом еще остаюсь человеком. — Он невесело улыбнулся, залпом допивая оставшийся в стакане напиток. — Кстати, насчет поспать... Пожалуй, ты прав. Хорошая идея. — Встав с кресла, Артур направился в душевую.

Вскоре он уже тихо спал на своей постели, до подбородка натянув тонкое шерстяное одеяло.

Глядя на задремавшего друга, Сергей Семенович Пилипенко, свободный агент с неограниченными правами, как официально именовалась его должность, налил себе еще один стакан меда, закурил сигарету и, присев в освободившееся кресло, стал вспоминать давно минувшее.

Барды. Он помнил еще те благословенные времена, когда это короткое и простое слово означало всего лишь любителей, более или менее хорошо исполнявших под гитару песни собственного сочинения. Сейчас это слово означало надежду. Надежду тихо умирающего человечества — не на возрождение своих позиций «царя природы», нет, но надежду на выживание в безумно изменившемся мире.

Когда открылся первый сид, никому точно не известно. Явление это было замечено лишь тогда, когда оно приняло массовый характер. По словам нескольких заинтересовавшихся данным вопросом бардов, началось все, скорее всего, в день зимнего солнцестояния две тысячи двенадцатого года. Но точно выяснить было невозможно. Начало заката человеческой эпохи не сопровождалось фейерверками, войнами, восстаниями мертвецов или иными грозными

или хотя бы хорошо заметными явлениями, а потому и осталось не зафиксированным никем из представителей человеческого рода. Спрашивать же об этом фейри было бессмысленно. Бессмертные просто не понимали значения времени, не знали, что это такое, и все вопросы, начинавшиеся со слова «когда», оставались для них недоступными. Так или иначе, но к лету две тысячи тринадцатого года масштаб проблем, возникших перед человечеством в связи с постепенным проникновением Феэрии в жизнь Земли, стал настолько велик, что власти уже попросту не могли закрывать на него глаза.

Многочисленные исчезновения людей, как детей, так и взрослых, вал необъяснимых смертей, пропажи и затопления судов, призраки в старых домах, чудовища, появляющиеся с закатом солнца... Все это стало слишком частым явлением, не позволяющим далее игнорировать происходящее. Власти решили вмешаться. Вмешаться единственным привычным, доступным и наиболее удобным способом — военной силой.

И вот здесь человечество и ожидал самый страшный удар, вызвавший шок, от которого оно не оправилось до сих пор. Лучшие силы, наиболее умелые и талантливые бойцы, снабженные самым современным оружием, атаковали четыре известных к тому времени открывшихся сида. Атаковали — и исчезли где-то в безумных просторах Феэрии, странного, непонятного пространства, населенного столь же странными и непонятными обитателями.

Войны не получилось. Фейри просто не заметили атаки людей. Попытки «войны на своей территории» также оказались безрезультатны. Какой смысл стрелять в высшего вампира, если пули (свинцовые, бронебойно-зажигательные, фосфорные, серебряные, освященные в церкви, и даже осиновые) проходят сквозь него, не причиняя никакого вреда? Какой смысл ловить гнома, если он легко уходит от любого преследования, ныряя в землю? Что может противопоставить капитан самого современного, великолепно вооруженного авианосца паре развеселившихся русалок, если в их присутствии не горит порох, бензин и любые дру-

гие жидкости немедленно превращаются в чистойшую воду, а взрывчатка оборачивается морским песком?

Нет, кое-каких успехов добиться все же удавалось. Низшие вампиры, в отличие от своих высших собратьев, были вполне уязвимы к серебру, да и у других порождений Феерии иногда, чаще всего чисто случайно, удавалось обнаружить уязвимые места. Но это было каплей в море и никоим образом не снимало нависшую над человечеством проблему.

В отчаянии, не зная, что противопоставить многочисленным и далеко не дружелюбным пришельцам, люди обратились к старинным мифам, преданиям, легендам и суевериям. Церковь возродила инквизицию. Но ни то ни другое не дало практически никакого толку.

Подавляющему большинству разумных фейри было безразлично и хладное железо, и связки чеснока над дверями. Они равно смеялись над пытающимися изгнать их словом Божьим священниками, над многочисленными вооруженными посеребренными мечами и наборами боевых наркотиков «ведьмаками» и над гвардейским спецназом. Они просто были.

То тут, то там во всем мире открывались все новые и новые сиды — так по аналогии со старинными легендами начали называть проходы в Феерию, обычно располагавшиеся на небольших возвышенностях. И через них, через эти проходы, в мир людей неудержимым потоком вливались странные, большей частью похожие на порождение больной фантазии неизлечимого психопата создания.

Некоторые из них были неизъяснимо красивы — как те же Тилвит Тег или Туата де Данаан, напоминавшие прекрасных эльфов из сказок. Некоторые были невероятно уродливы, как, например, слуа, походившие на банальных полусгнивших зомби из какого-нибудь низкобюджетного фильма ужасов. Большинство же этих созданий были просто иными, непонятными, непривычными, и внешность их не поддавалась какой-либо классификации, а часто и вовсе была чем-то настолько непостоянным, что даже и смотреть на них решались лишь очень и очень немногие люди.

Человечество замерло в растерянности и ужасе. Сергей хорошо помнил эти дни — дни отчаяния и хаоса, ожидания

всеобщей гибели, когда казалось, что вот-вот настанет конец всему и вся, что безжалостные и неуязвимые завоеватели хлынут потоком, уничтожая людей или в лучшем случае обрекая их на бесконечное рабство, незавидную роль домашних зверушек.

Но этого не случилось. Как выяснилось, люди сильно переоценивали свою собственную важность и значимость своего мира в масштабе Вселенной. Вместо того чтобы быть завоеванным, человечество просто оказалось... ненужным. Фейри проходили через Землю по своим непостижимым делам, разрушая и уничтожая всех и все, что стояло у них на пути, беря себе то, что привлекало их внимание, и уходили дальше, совершенно не заботясь о той разрухе и хаосе, что оставляли после себя. И осознание этого факта было облегчением. Лучше уж быть незаметным, неважным и неинтересным — чем мертвым. Так рассудили многие, успокаиваясь по поводу своего будущего.

Главным правилом жизни в непоправимо изменившейся реальности стало — не стоять на пути у фейри, что бы они ни делали и чем бы ни занимались. Не соваться в Феерию, каким бы завлекательным и драгоценным ни было то, что оттуда можно вынести.

Но даже этого, как оказалось, было недостаточно. Эти законы, оплаченные кровью многих и многих, не могли спасти замершее на краю пропасти человечество, но лишь ненадолго отсрочить неизбежную агонию. Слишком много безжалостных и могущественных пришельцев проходило через человеческие города и поселки, слишком легко и невозбранно рушили они то, что создавалось годами и требовало гигантских усилий для своего восстановления. Скорость, с которой разрушалась инфраструктура человечества, сложная и тонкая вязь коммуникаций, соединяющих отдельных людей в цельное общество, превышала все имеющиеся возможности восстановления.

Распад и, как следствие, медленная и мучительная гибель, откат к феодализму, первобытно-общинному обществу и далее к полной анархии, с утратой всех научных и социальных достижений, казался неизбежным.

Тогда-то и появились барды. Точнее, не появились — бо-

льшинство людей, которых впоследствии стали так называть, были рождены задолго до самых первых контактов с Феерией. В этот момент они всего лишь были обнаружены. Вначале они были вычислены службой безопасности.

Какой-то неизвестный гений аналитики в недрах спецслужб обратил внимание на то, что поведение фейри в некоторых городах и районах существенно отличается от их обычных действий. Обычно пронсящие по городам и поселкам людей подобно обезумевшему носорогу, снося и уничтожая все на своем пути, в этих местах колдовские создания вели себя... *деликатно*. Насколько это, конечно, было возможно для фейри. Надолго задерживаясь, они словно всеми силами старались обуздать свою тягу к уничтожению, одновременно проявляя те качества, которые людьми могли бы быть сочтены положительными.

Вместо охоты на молоденьких девушек и парней — вампиры выпивали исключительно преступников, грабителей и маньяков, иногда даже спасая попавших в неприятности обычных людей. Дети, которых похищали Тилвит Тег, не пропадали бесследно, как это было в других местах, а вскоре, довольные и здоровые, возвращались к своим родителям, нередко принося с собой драгоценные подарки. Злые шутки пикси, в других местах почти всегда заканчивающиеся смертью того, кого эти мелкие человекообразные фейри выбирали своей жертвой, в «благополучных» районах приобретали характер невинных розыгрышей.

Разумеется, как только данные закономерности были обнаружены, как только было определено, что они не случайны, все силы спецслужб были сосредоточены на поиске источников подобного благотворного влияния. И они были обнаружены.

Барды. Люди разного возраста (самому старшему из обнаруженных бардов было около восьмидесяти лет, самому младшему — четыре с половиной года). Разных профессий. Разного пола. (Правда, количество бардов-мужчин непонятно почему почти в три раза превышало количество бардов-женщин.) Общим у них было только одно. Увлечение каким-либо творчеством.

Кто-то из бардов любил рисовать. Кто-то занимался ху-

дожественной вышивкой. Довольно много было кузнецов, особенно специализирующихся на изготовлении предметов художественнойковки и создании реплик старинного холодного оружия и доспехов. Несколько девушек-танцовщиц. Имелись писатели, пара скульпторов, один мультипликатор-любитель и даже нелегальный оружейник, в глубокой тайне в качестве хобби рисовавший чертежи и создававший прототипы легкого стрелкового оружия, кстати, немало заинтересовавшие специалистов из обнаруживших его спецслужб.

Но наибольшее количество бардов было среди занимавшихся музыкой. Причем бардов как в новом, так и в старом значении этого слова. Люди, пишущие песни и самостоятельно исполняющие их под гитару или иные музыкальные инструменты, составляли львиную долю среди всех обнаруженных бардов мира.

Впрочем, творческие наклонности обнаруженных людей были отнюдь не главной причиной проявленного к ним внимания. Так... скорее — одно из побочных следствий, тем более что никто из них каких-либо успехов на почве своих увлечений так и не добился. Главным было другое.

Фейри. Обычно не замечавшие смертных, относившиеся к людским мечтам, надеждам и желаниям, да, собственно, к самим человеческим жизням с полным безразличием, эти создания резко менялись, стоило где-нибудь поблизости объявиться барду.

Нет, барды не могли приказывать бессмертным. Но... они были единственными, с кем те общались на равных, проявляя заметное уважение, кому не отказывали в беседах, а зачастую и в помощи.

Это дало надежду. Человечество не могло сопротивляться, не могло угрожать или торговаться. Оно могло только просить... Но просьбы, высказанные устами бардов, редко встречали отказ.

Собственно, причины такого к ним отношения так и оставались непонятными. Ну право, не считать же достойной платой за покой и безопасность городов и областей пару безголосых песен, исполненных под нестройный перебор гитарных струн (далеко не все барды обладали хоро-

шим голосом или хотя бы более-менее отточенной техникой игры), или корявую картинку, тут же намалеванную бесталанным художником, или даже быстро вылепленную из глины кривобокую статуэтку...

Любой ценитель, любой искусствовед или критик без всяких сомнений отправил бы подобные «творения» в мусорную корзину. Меломан зажал бы себе уши, чтобы не слушать плохо рифмованные и частенько фальшивящие, откровенно любительские песни и не сбивать себе слух. Но... Для фейри — великолепных, прекрасных, могущественных фейри, чьи песни могли зачаровывать, порождая безумие или счастье, исцелять и убивать, картины которых казались более живыми, чем позировавшие им натурщики, чьи танцы завораживали, а скульптуры, созданные их руками, могли оживать, — этого, как ни странно, было достаточно.

Они слушали песни, внимательно рассматривали картины, оглаживали неловкие, плохо вылепленные статуэтки — и отходили. Сдвигались. Освобождали место, позволяя людям хоть как-то существовать, выживать, сохранять свою культуру. И благословлять бардов, благодаря которым они получили такую возможность.

Разумеется, подобное полезное свойство не могло пройти мимо взглядов и цепких рук людей, находящихся на вершине властной или денежной пирамид. Бардов начали старательно прибирать к рукам. И немедленно по этим самым рукам получили, весьма и весьма болезненным образом.

Барды были готовы помочь и защитить от произвола фейри, спасти, излечить, избавить от разгулявшейся нечисти. В этих вопросах они не отказывали почти никогда. Но просьбы, выходящие за пределы довольно четко очерченного круга гуманитарных, общечеловеческих проблем, связанных с взаимодействием с фейри, понимание у них встречали редко. Очень редко. Попытки же тем или иным образом надавить на бардов наталкивались на чрезвычайно жесткое противодействие со стороны тех самых постоянно окружающих их фейри, мигом забывавших о всех договорах, деликатности и человеколюбии.

Самые изящные операции, самые тонкие интриги, направленные на мягкое внушение кому-либо из общающихся-

ся с нечистью нужных идей и мыслей, не говоря уже о каком-либо более прямом воздействии, неизменно заканчивались жуткой смертью всех принимавших участие в этой затее, начиная от предложившего идею и заканчивая последним исполнителем. Фейри не пытались как-либо воздействовать на свободу воли своих «игрушек», как иногда еще именовали бардов, но также и не позволяли на них влиять людям.

Еще одной проблемой было количество самих бардов. Их было мало. Очень мало. Им физически не хватало времени, чтобы успеть всюду, где открывались новые сиды, чтобы «успокоить» разгулявшихся фейри. Не говоря уж о том, чтобы на постоянной основе прикрывать какие-либо места и города, кроме самых крупных, от периодически «шалеющих» бессмертных. Сложилось хрупкое равновесие. Люди могли жить своей жизнью, не очень отвлекаясь на проделки фейри, а фейри в свою очередь не сильно буянили, периодически «успокаиваемые» метающимися по всему земному шару немногочисленными бардами. Вот только что дать бардам взамен, что им надо и чем их можно в случае нужды прижать или купить — человечество так и не знало. И это тревожило. Очень тревожило, ведь психика бардов, и так не отличающаяся особой стабильностью, в результате их непрерывного контакта с бессмертными менялась. Сильно менялась.

Фактически более-менее опытный бард в обязательном порядке был ненормальным. В смысле — не совсем, конечно, сумасшедший, но близко. По крайней мере, именно в таком ключе их действия и заявления воспринимались окружающими. Обычные человеческие слабости и интересы были безразличны этим странным людям. Власть и деньги не интересовали их абсолютно. Слава нервировала и раздражала. Угрозы — просто игнорировались, причем похоже, что одной из причин этого было почти полное отсутствие инстинкта самосохранения. Красивейшие женщины, каких только ни пытались подложить под них различные спецслужбы и частные лица, вызывали в лучшем случае слабый интерес.

Впрочем, последнее в некоторой степени можно было

понять. Сергею пару раз доводилось наблюдать возвращение своего подопечного из очередного сида под руку с ослепительными красавицами нечеловеческого рода, так что его низкий интерес к «сладким ловушкам» был вполне объясним.

Но все остальное? Причины, по которым барды столь упорно отказывались от денег, власти, славы и даже простого комфорта в угоду каким-то странным, никогда полностью ими не озвучивавшимся и, похоже, невероятно противоречивым правилам, были совершенно непонятны. Например, их категоричнейший отказ от официального сотрудничества со спецслужбами в обеспечении безопасности людей.

К чему он? Ведь барды так и так по доброй воле защищали своих соплеменников и при этом отнюдь не отказывались от помощи спецслужб. Информация, обеспечение доставки барда в нужное место, забота о его безопасности — все это принималось без возражений. Но любые предложения о зачислении их в какую бы то ни было структуру, хоть государственную, хоть частную, хоть существующую, хоть созданную специально под них, неизменно натывались на категоричный отказ.

Да и коммуникативные навыки этих людей после первого их контакта с бессмертными по каким-то неизвестным причинам начинали быстро ухудшаться. Барды искренне не любили и не умели общаться с людьми, и это их нежелание было настолько сильным, что в конце концов к ним были приставлены официально нигде не числящиеся, вычеркнутые из всех документов, а неофициально — тесно и плотно сотрудничающие с государственными структурами люди. Такие, как он, бывший «капитан ГИБДД», а сейчас — свободный агент с неограниченными правами по защите лица особо ценного для государственной безопасности. Причин, по которым из более чем двух тысяч кандидатов его подзащитный, один из наиболее активных бардов России Артур Станиславович Королев — двадцати двух лет, образование незаконченное высшее, сирота, не женат — выбрал именно его в качестве своего агента и защитника среди людей, Сергей не знал. Но старался как следует испол-

нять свой долг и обязанности, не забывая, впрочем, и о собственных нуждах. В конце концов, в отличие от барда, у него они имелись!

Сергей вновь налил себе драгоценного напитка и, смакуя каждую каплю, перевел взгляд на безмятежно дрыхнущего на смятой кровати Артура. Станный человек. Станный мир. Странное время.

«Хорошее соответствие, — подумал он. — Может, именно поэтому этот парень и стал тем, кто он есть? Но все же... был бы он хоть чуточку поадекватней! Эх, сколько заработать можно было бы!» — Он принялся к плещущейся в его стакане золотой жидкости и, отгоняя возникшее искушение, решительно сделал глоток. Он ведь и так отнюдь не бедствует, а лишнее — от лукавого!

Сергей еще раз взглянул на друга и подопечного и, встав с кресла, направился к свободной кровати. В конце концов, еще не так уж и поздно. Ночь только вступала в свои права, и можно было рассчитывать на минимум четыре, а то и целых шесть часов крепкого и здорового сна, в котором он, надо признаться, очень нуждался. Нервы...

Иногда Сергей с насмешкой говорил сам себе, что становится похож на какую-нибудь клушу, однако факт оставался фактом — каждый раз, когда его подзащитный находился в Феерии, уснуть бывшему «мастеру полосатой палочки», как Пилипенко порой в шутку называл себя, удавалось редко.

Сон пришел быстро. Спокойный и здоровый, лишь изредка прерываемый легким всхрапыванием, и никто из двух крепко спящих усталых мужчин не обратил внимания на тихий шорох, раздавшийся от входной двери гостиничного номера.

Артур проснулся поздним утром. Точнее, данное время суток поздним утром считал только он, отчаянная «сова» и любитель поспать подольше. Обычные же люди по какой-то не совсем понятной ему причине считали двенадцать часов дня полднем. Впрочем, эти человеческие заморочки с некоторого времени барда особенно не волновали.

Сказал «утро» — значит, утро. А то, что по этому поводу считают все остальные, его не касается.

Собственно, и проснулся-то он не самостоятельно, а разбуженный громкой руганью. Сергей, его агент, уже собранный и одетый как на парад, складывал рюкзак барда, яростно переругиваясь с кем-то по спутниковому телефону, с активным использованием армейско-матерного лексикона.

— Серж! — Бард недовольно поморщился. Одним из существенных недостатков своего нового статуса и положения Артур, ранее и сам отнюдь не брезговавший неформальной лексикой, считал изменившуюся чувствительность. В Феерии слова обладали слишком большим могуществом, и потому теперь, даже когда он находился на Земле, многие и многие словоформы, в данный момент активно употреблявшиеся его другом, были ему крайне неприятны, вызывая почти физически болезненные ощущения.

Виновато покосившись на разбуженного им подопечного, Пилипенко на полуслове оборвал многоэтажную матерную тираду, скорчил недовольное лицо и беззвучно пожевал губами, словно проглатывая произнесенные эпитеты. Наконец он резко выдохнул, будто переключаясь, и продолжил разговор с использованием уже более цензурных выражений.

— Надеюсь, вам все понятно? Меня не е... — Резко осекшись, он бросил виноватый взгляд на Артура и быстро поправился: — Не волнует ваша ситуация с горячим, поломка техники и запой пилотов, но если в течение ближайших пары часов в нашем распоряжении не окажется техники, способной с надлежащей скоростью доставить барда в Екатеринбург, добираться туда мы будем самостоятельно. И соответственно все возможные последствия его опоздания станут уже вашими проблемами! Так что рекомендую в этом случае заранее запастись зеленкой... Как зачем зеленка? Лоб намазать, чтоб пуля инфекцию не занесла! Вы понимаете, что ваша медлительность полностью подпадает под статью «Препятствование барду в чрезвычайной ситуации» и что из этого вытекает?.. Что значит только Ан-2? Откуда у вас вообще этот антиквариат завалился? Со времен «холодной войны» как памятник стоит? Он у вас хоть в

воздухе не рассыплется? Ладно, черт с вами, давайте эту вашу рухлядь... — Серж обернулся к прислушивающемуся к разговору Артуру и весело поинтересовался: — Ты как, не против на «аннушке» прокатиться?

Бард улыбнулся:

— Всегда интересовался антиквариатом. Он у них хоть рабочий?

— Говорят, что да...

— А что за спешка? — Видя серьезный настрой своего товарища, Артур начал стремительно одеваться. — Сюда ж мы на машине ехали?

— В Екатеринбурге, под мостом на Малышева, какая-то тварь появилась, — вздохнул Пилипенко. — Судя по описанию внешности, какой-то тролль. Особой агрессии не проявляет, но движение, сам понимаешь, полностью парализовано. Центр города, и все такое... Вот и зовут срочно, хоть кого-нибудь. Наша пара — ближайшая. А у местных администраторов из летательных средств только «кукурузник» в рабочем состоянии и имеется. Вертолет из ближайшей части, конечно, уже выслан, но сам понимаешь, местные ресурсы использовать куда как быстрее будет.

— Не вижу проблем, — вновь пожал плечами бард. — «Кукурузник» так «кукурузник»... В конце концов, даже интересно, на чем наши предки летали.

— Ну и отлично, — довольно кивнул агент, вновь прикладывая к уху телефонную трубку. — Да! Он согласен! Будем в течение ближайших тридцати минут! — Он зло надавил на кнопку отбоя и с недовольным рыком затянул последнюю веревку рюкзака.

Не дожидаясь дополнительных просьб, Артур быстро соскочил с кровати, опрометью бросившись в замызганный туалет. Судя по всему, времени на обычный утренний ритуал умывания и сборы было в обрез.

Уже выбегая из номера, он обратил внимание, что совсем позабытый в суматохе поспешных сборов бочонок с драгоценным подарком Туата де Данаан так и стоит на столе. Подхватив его, Артур с легким изумлением заметил, что в еще вчера полном бочонке сейчас волшебная жидкость едва-едва закрывала дно сосуда. Уважительно покосив-

пись на закрывшуюся за Сергеем дверь, он весело улыбнулся, пробормотал: «Армейская закваска» и парой больших глотков полностью опорожнил и так почти пустую емкость.

Бросив опустевший бочонок в сторону мусорной корзины, он, более не задерживаясь, стремглав понесся на выход, где уже сигналила присланная за ними машина.

Полет на «кукурузнике» — транспортно-пассажирском Ан-2 — Артуру откровенно не понравился. До этого примечательного момента он и не подозревал, что может страдать «морской болезнью». Точнее, был абсолютно уверен, что подобные проблемы его не касаются и коснуться не могут в принципе, однако практически ежеминутно проваливающийся в какую-нибудь очередную воздушную яму небольшой самолетик быстро развеял его наивную уверенность в своем вестибулярном аппарате.

— Артур Станиславович? — Буквально вывалившийся из открывшегося люка приземлившегося самолета бард был немедленно подхвачен под руки двумя заметно нервничающими мужчинами в традиционных для их службы строгих черных костюмах.

Не в силах ответить, изо всех сил сражающийся с собственным желудком парень коротко мотнул головой. Впрочем, даже это движение, как оказалось, было лишним. Битва была проиграна, и единственное, что Артур успел сделать, это отвернуться немного в сторону, чтобы не испачкать дорогие костюмы и начищенные ботинки встречающих.

— Арт, я, конечно, понимаю, что эти «люди в черном» с их вечными заданиями и просьбами уже успели тебе изрядно поднадоесть, но, честное слово, и не предполагал, что настолько! — Сергей Пилипенко, отлично проспавший все время полета, был, несмотря на некоторую заметную на его лице сонливость, весел и совершенно не понимал всей глубины страданий измученного болтанкой парня.

Продолжающий аккуратно придерживать буквально висящего на нем парня «человек в черном» слегка скривился от подобной незатейливой шутки и, надменно игнорируя Пилипенко, официально представился:

— Капитан Иванов. Господин Королев, вы готовы проследовать к месту инцидента?

Артур поморщился, но, преодолев себя, аккуратно кивнул. Говорить бард по-прежнему не рисковал.

— Ну как ты? — Сидя в стремительно несущейся по дороге от аэропорта в город патрульной «девятке», отчаянно завывающей сиреной спецсигнала, поинтересовался у все еще немного зеленоватого товарища Пилипенко.

— Более-менее, — устало выдохнул Артур, прикрывая глаза. — Жаль, мед закончился. Сейчас пара-тройка глотков мне бы отнюдь не повредила.

— Как закончился? — изумленно взглянул на него Сергей. — Когда я ложился спать, там еще оставалось!

— Я допил перед выходом, — коротко ответил бард. — Не хотел тащить лишнюю тару. — После чего, повернувшись к молчаливо сидящему на переднем пассажирском месте встречающему, осторожно, словно преодолевая некий внутренний барьер, произнес: — Товарищ Иванов, можно спросить?

Видя напряжение на лице барда, Сергей ободрительно кивнул. Попытка преодолеть извечные проблемы в общении с незнакомцами, обычной и неизменной беды всех бардов, во многом из-за которой к ним и приставлялись подобные ему агенты, и впрямь заслуживала поощрения.

— Да, конечно. — Судя по мягкому, максимально добродушному и подбадривающему тону Иванова, тот был полностью в курсе этой проблемы.

— Мне нужны дополнительные сведения по ситуации. Вас не затруднило бы рассказать, что произошло? — заметно смущаясь, все так же осторожно поинтересовался Артур. — Понимаете, — спешно, как будто это его требование было чем-то избыточным и необоснованным, принялся объяснять он, — это ведь совершенно ненормально — тролль в центре города.

Во-первых, тролли городов не любят. Очень не любят. Если где им и появляться, то скорее в какой-нибудь глуши, у полуразвалившегося, почти неиспользуемого мостика, но никак не в центре города. А во-вторых, договора на Екатеринбург давно уже заключены. Поблизости есть только

пара сидов, причем принадлежащих гномам и Хозяйкам гор. Из этих сидов тролль прийти не мог в принципе. Его бы просто не пропустили! Они троллей недолюбливают. Что гномы, что Хозяйки... А новых сидов в окрестностях города не открывалось, это точно. Я бы почувствовал. Вот и получается что-то непонятное... — растерянно закончил бард.

Выслушав его довольно сбивчивую, словно извиняющуюся речь, Иванов настороженно переглянулся с молчаливым, так и не представившимся водителем, после чего, медленно, обдумывая каждое слово, начал рассказ:

— Фейри был обнаружен сегодня, в шесть тридцать пять утра. Рост — около четырех метров. Ширина туловища — порядка полутора метров. Покрит зеленоватой чешуей, на голове — длинная оранжево-рыжая шерсть. Глаза — желтые. Вооружен большой дубиной из неизвестного темного камня. По показаниям очевидцев, выпрыгнул из-под моста и встал на дороге, полностью перекрыв движение. Открытой агрессии не проявляет, однако требует оплату с каждого проходящего и проезжающего по мосту. Предложенные ему денежные единицы Российской Федерации, а также доллары и евро брать отказывается, причем в весьма грубых выражениях. Благодаря данным признакам был идентифицирован как «тролль мостовой», после чего проезд и проход к месту инцидента был блокирован силами ФСБ и полиции и отправлен срочный вызов ближайшему барду — вам. Других сведений у меня нет. — Заметив вопросительно-настороженный взгляд Артура, фээсбэшник на мгновение задумался и добавил: — Попыток силового воздействия на фейри не предпринималось. — И, увидев мелькнувшее в глазах барда облегчение, немного обиженно произнес: — Ну мы все же не совсем тупые, господин Королев. Это мы давно проходили... На одни и те же грабли два раза подряд не наступаем и работу вам усложнять не намерены.

Артур промолчал, занятый обдумыванием сказанного, однако вместо барда немедленно ответил его спутник:

— Это как сказать. Не наступаете... Поинтересоваться-то не мешает. А то вон полгода назад тоже тролль к полигону вылез, а вояки, вместо того чтобы, как полагается, бар-

да вызвать, то ли по пьяни, то ли по глупости решили проверить его реакцию на обстрел из противотанковой пушки. Так сколько потом нам с этим троллем пришлось возиться, успокаивать... Чудом без жертв обошлось. Арт вообще после этого почти три дня болел, да и мне нехорошо было. — В ответ на короткий взгляд Артура, брошенный в его сторону, он демонстративно пожал плечами. — Ну ладно, ладно, ты успокаивал... Но я-то тоже участие принимал, и болели мы все вместе! Не так, что ли, скажешь?

Бард вновь промолчал, низко наклонив голову и старательно сдерживая так и прорывающуюся улыбку. Что-что, а играть словами его агент умел превосходно. В рассказанной Пилипенко истории не было ни слова лжи, и вместе с тем впечатление от нее создавалось настолько далекое от истинного, что это вызывало неподдельное уважение к его искусству обращения со словами. Если судить по рассказу бывшего гаишника, подвиг, совершенный ими тогда, был вполне достоин стоять в мифах, наравне с деяниями древнегреческих героев и рыцарей Круглого стола.

На самом деле молодой каменный тролль, вылезший из холма невдалеке от небольшого артиллерийского полигона, был существом сугубо мирным и дружелюбным. Собственно, все, чего он хотел, — это распить в хорошей компании украденную где-то сорокалитровую бочку медицинского спирта.

Причины, почему в поисках собутыльников его занесло к армейцам, как раз в это время проводившим учения, остались покрытыми мраком, но факт есть факт: учиненный обстрел из пушек был сочтен уже хорошенько подвыпившим гигантом немного грубоватым, но вполне дружеским жестом. Чем-то вроде похлопывания по плечу, наверно.

Так что пьянка у тролля удалась на славу. К моменту, когда прибыл срочно вызванный бард, которым и был Артур, «гудела» вся часть. Начиная от полковника и заканчивая последним из «духов». А что делать? Когда над тобой нависает шестиметровая, неуязвимая для снарядов громада и, строго глядя огромными желтыми глазами с вертикальным зрачком, мягко интересуется: «Ты меня уважа-

ешь?», отказаться от выпивки не получится даже у самого заядлого трезвенника и вегетарианца.

Так что не отказывались. Собственно, не отказались и Артур с Пилипенко. А поскольку дозы у рыжеволосого великана были тоже соответствующие, то очнулись они только на следующие сутки, невыносимо страдая от жесточайшего похмелья, в компании полностью опустошенной бочки, груды пустых бутылок из-под водки и такой же больной, злой и похмельной воинской части в полном составе. Судя по всему, дело свое он все же сделал, так как тролль отсутствовал, а люди были живы и относительно (не считая зверского похмелья) здоровы. Но вот *как* он этого добился, Артур не вспомнил и до сей поры. А то, что он помнил, ему категорично не нравилось и заставляло с тех пор *очень* настороженно относиться ко всем алкогольным напиткам.

Похмелье. Ни до, ни после таких мук молодому барду переживать не доводилось. Собственно, его агент, как более опытный в таких делах, более-менее оклемался уже к вечеру. А вот непривычный к подобным посиделкам, никогда не служивший Артур пришел в работоспособное состояние только на третьи сутки и потом долго даже смотреть не мог в сторону водки и вообще всех крепких напитков. Да и дел, связанных с общением с троллями, несмотря на относительно простоту взаимодействия с этими в общем-то довольно добродушными гигантами, он старался по возможности избегать.

Впрочем... Сейчас не до экскурсов в прошлое. В конце концов, он не для того боролся с собой, задавая вопросы этому Иванову, чтобы бездарно тратить некоторое оставшееся у него до прибытия на место время на старые воспоминания.

Да... Боролся с собой. Как же раздражала, злила, прямо-таки бесила его эта черта характера, проявившаяся после контактов с Феерией. Ведь он же не был таким раньше! До семнадцати лет, когда с ним однажды заговорила встретившаяся в темном переулке красноглазая незнакомка с обалденной фигурой и небольшими, острыми, кипенно-белыми клыками, никаких проблем в общении у него не

было! Что со знакомыми, что с незнакомыми людьми. А сейчас заговорить с малознакомым человеком — целый подвиг, требующий немало напряжения как душевных, так и чисто физических сил. И хорошо еще, что удастся удерживаться от позорного заикания, мусолоения звуков и постоянного трюндения слов-паразитов, так и рвущихся на язык.

Конечно, были кое-какие приемы, позволявшие ненадолго избавиться от проклятого косноязычия, но вот их цена... Цена за пару-тройку часов возможности нормально общаться была великовата... И платить ее сейчас, когда ему в самом скором времени предстояла работа, Арт просто не мог себе позволить. Так что приходилось обходиться своими силами.

«Заодно и бесполезная тренировка получается, — успокаивающе подумал он. — Да и не так уж все плохо...»

Припомнив пару коротких встреч со своими коллегами-бардами, Арт констатировал, что у него даже есть повод собой гордиться. Пусть он говорит медленно, мягко и преувеличенно вежливо, но речь его вполне внятна, понятна и не срывается на постоянное заикание и бесконечные «э-э-э» и «а-а-а». Это уже немало!

Впрочем, хватит мыслей не по делу. Итак. Главный вопрос: почему? От ответа на него зависело многое. В принципе Артуру было известно еще только два способа появления на земле фейри, кроме как приход из какого-либо сида. Троль мог быть *вызван* или *призван*.

Призыв был маловероятен. Будь троль *призван* — например, каким-либо из амулетов обязательства или Словом Призвания какого-либо молодого и неопытного барда, возможно пока еще не осознавшего себя и не понимающего, что он делает, — так миролюбиво он себя бы не вел. Поскольку любой Призыв предусматривает конкретную цель, а в случае Слов Призвания еще и произносится на эмоциональном подъеме.

Причем поскольку обычно Призыв происходил от переполняющих барда отрицательных эмоций, которых тот не может сдержать, то призванный наверняка начал бы боевые и разрушительные действия, чего, по словам Иванова, пока не наблюдается. А даже если бард отличался изряд-

ным спокойствием и опытом и смог *призвать* тролля для выполнения какой-либо работы, то все равно по исполнению задачи тролль бы попросту ушел к себе, а не остался на мосту.

Да и оплату бард, как бы неопытен он ни был, не мог не отдать. Причем не мог чисто физически, такова природа этого странного дара. А ведь тролль, опять-таки по словам Иванова, явно требовал платы. Правда, не за какую-то, пусть мифическую, работу, а за право пересечения моста. Так что данный вариант отпадает.

Вызов — это другое дело. *Вызвать* любого жителя Феерии, включая тролля, теоретически мог абсолютно любой человек. Но... это чисто теоретически. Как минимум это было незаконно и каралось чрезвычайно строгим образом. Восстановив в памяти соответствующую статью Уголовного кодекса, Арт кивнул своим мыслям. «От десяти лет исправительных работ в лагере особого содержания и до смертной казни в случае наличия пострадавших от вызванного магического создания».

Но дело было даже не в законах. Вызов требовал, во-первых, достаточно сложного и продолжительного ритуала, который было крайне маловероятно провести в центре города на мосту с постоянным движением, во-вторых — платы, а в-третьих — жертвы. К тому же вызванные отнюдь не спешили исполнять желание вызывающего, обычно как раз-таки, наоборот, с большим удовольствием уничтожая осмелившегося на подобное глупца, его друзей, родичей, всех, кто был причастен к данной процедуре, а также просто находившихся неподалеку — так, за компанию и на всякий случай.

Да и зачем кому-либо могло понадобиться перекрывать мост столь дорогой и рискованной ценой, как вызов тролля, Артур не мог и предположить. Ладно бы, если бы тролль кого-либо атаковал, например расположенное неподалеку здание администрации, — тогда мотивы вызывающего еще как-то было бы можно понять. Но... никаких нападений. Тролль ведет себя вполне миролюбиво. Так что и этот вариант не проходит. Даже если предположить, что целью вызвавшего было именно перекрытие этой достаточно важ-

ной городской дороги, то и тогда его действия остаются совершенно непонятными. Гораздо проще, дешевле, да и надежней было элементарно взорвать злосчастный мост!

Так что это и не Вызов. Но что же тогда? Других возможных причин появления тролля посреди человеческого города молодой бард просто не знал. И это незнание его изрядно нервировало!

Все непонятное — опасно. Первое правило жизни, что в Феерии, что на Земле. И если на территории фейри его зачастую выручало знаменитое бардовское чутье, то здесь, в мире людей, оно слишком слабело и уже не могло считаться достаточно надежным советчиком. Арт вздохнул и вновь задумался.

Конечно, было бы неплохо еще раз, тщательнее расспросить Иванова, но тратить силы на очередное сосредоточение, чтобы преодолеть глупый и мерзкий барьер в сознании и нормально сформулировать нужные вопросы, сейчас было нежелательно.

До места происшествия уже не так далеко, а там силы ему еще могут пригодиться. «А Серж, зараза, как назло, вновь дрыхнет, вместо того чтобы исполнять свои профессиональные обязанности. Привык, гад, что я всегда стараюсь общаться самостоятельно. Оно, конечно, и неплохо, дополнительная тренировка в поддержании общения никогда не лишняя, в бекающего и мекающего придурка превращаться мне никак не хочется, но иногда бывает очень уж несвоевременна, — сердито рассуждал про себя Артур.

А будить его — жалко. Хоть и мелочь, а все равно дело недоброе и, значит, сейчас крайне нежелательное. Кто его знает, с чем мне там столкнуться придется? Вдруг каждая капля Силы и Чистоты потребуется? Эх, как это все не вовремя-то! Ладно, потерплю... Или, может, мой так называемый агент все же соизволит проснуться самостоятельно?» — думал он. За свою более чем четырехлетнюю карьеру барда Артур уже привык, что мелочей в его работе не бывает. И каким бы незначительным и несерьезным ни казалось касающееся фейри дело, оно в любой момент могло потребовать полной выкладки всех ресурсов, что имелись в его распоряжении. И горе, если этих сил и ресурсов

не хватит. Горе, скорее всего, не ему — фейри старались по возможности не причинять бардам физическую боль, даже если те были виновны сами, — но окружающим его людям. Ни в чем не повинным, которым всего-навсего не посчастливилось находиться неподалеку от не справившегося со своей задачей барда. И это заставляло его относиться к своей работе куда серьезней, чем если бы опасность угрожала только ему.

Занятый своими мыслями, Артур не заметил, как летящая под завывание сирен машина достигла места назначения, и очнулся, только когда заунывный рев над его головой наконец-то смолк и автомобиль остановился.

— Приехали, — коротко проинформировал его Иванов. — Господин Королев, наша служба была бы вам весьма благодарна, если бы помимо удаления тролля вам удалось выяснить причины его здесь появления. Это возможно? И если да, какие дополнительные ресурсы вам для этого нужны? — официальным тоном поинтересовался фээсбэшник.

Глянув на него с благодарностью, Арт пожал плечами, перевел печальный взгляд на так и не собравшегося просыпаться и даже начавшего похрапывать Сергея, после чего беспомощно развел руками и, прихватив гитару, вышел из машины. Тратить силы на то, чтобы ответить самостоятельно или нарушать Чистоту пусть даже всего лишь побудкой так не вовремя задремавшего агента, он сейчас просто не мог себе позволить. Да и откуда ему сейчас знать, возможно это или нет? Вот побеседует с неожиданным вторженцем, там и видно будет...

Троль был на месте. Довольно молодой и не самый крупный экземпляр, отметил Артур, вглядываясь в радостно взрепевшую при его приближении громаду, приветственно размахивающую огромной каменной дубиной. Кого-нибудь другого столь бурная встреча вполне могла бы и напугать, однако как всегда пробудившееся в присутствии фейри чутье явственно подсказывало, что данный экземпляр «тролля мостового» просто очень рад его появлению.

Арт улыбнулся и привычным движением коснулся

струн, вплетая в раздавшиеся звуки тончайшие нити Чистоты. Легкое приветствие, и не более того. Но даже этот ничтожный подарок заставил тролля немедленно замереть, буквально не дыша, и сосредоточенно наклонить голову в боязни упустить хоть малейший звук из прозвучавшего короткого проигрыша.

Столь интенсивная реакция не осталась незамеченной. «Дикий», — понял Артур. Совершенно дикий. Судя по его действиям и той жадности, с которой тролль вслушивался в затихающие звуки, до сих пор ему еще не приходилось общаться ни с кем из бардов. Задача становилась особенно интересной. И что же могло понадобиться «дикому» троллю в центре Екатеринбургa? Впрочем, этот вопрос можно обдумать и позже. Сейчас — работа.

— Я — Артур. Бард, — дождавшись, когда стихли последние отзвуки наигрыша, но тролль еще не очнулся от воздействия Чистоты, заключенной в этих звуках, представился он, смело вступая на мост. — Я пришел говорить с тобой.

Услышав его голос, тролль помотал косматой головой, словно отходя от окутавшего его наслаждения, тяжело вздохнул и всем своим массивным телом развернулся в сторону подходящего барда.

— Я Ургх Горотряс, — наконец пророкотал он, с сомнением посматривая на такого небольшого по сравнению с ним барда. — О чем мне с тобой говорить?

— О мосте. О золоте. О тебе. О песнях, — коротко ответил Арт, подстраиваясь под стиль речи своего собеседника и вплетая в свой голос Силу, отчего произнесенное им прозвучало куда громче, решительней и гораздо более убедительно.

— Хм... — Тролль озадаченно потер лоб огромной шестипалой ладонью. — Ургх будет говорить с тобой. Это интересные темы. И ты сам интересен. Я еще не слыхал столь странных и приятных звуков, да и говоришь ты достойно. Что ты хочешь сказать?

— Я хочу спросить. Почему ты здесь? — уже обычным голосом произнес Артур. Первый и наиболее опасный этап переговоров был закончен, тролль признал его достойным вести разговор, то есть как минимум — равным, а значит, не

нападет, если только он не допустит какой-нибудь серьезной ошибки.

— Золото надо, — охотно ответил тролль. Похоже, он уже давно дожидался кого-нибудь, кому мог бы изложить свои требования. Затем он задумался, пожевал губами и добавил: — Много надо. Жениться хочу. — И выволлок откуда-то из-за спины большой мешок из грубой ткани, напоминающий те, в которых многие дачники хранят картошку.

Требование ввергло Артура в сильное недоумение. Шантаж? Это было совершенно не похоже на фейри вообще и на троллей в частности. Захват моста с целью выбить из людей золото... Арт мог бы понять, если бы «дикий» тролль вломился в какой-нибудь банк или ювелирный магазин с целью добыть нужный ему драгметалл, но блокировать мост? Если уж Ургх Горотряс отважился на нарушение договора, то должен, просто обязан был действовать куда решительнее и не ограничиваться всего-навсего захватом моста. Но почему он захотел преступить договор? До сих пор за представителями фейри, как бы дики и необузданны они ни были, ничего подобного не наблюдалось!

— А как же договор? — наконец придя в себя от овладевшего им недоумения, спросил Артур. — Ты понимаешь, что нарушаешь его?

— Договор! Да, договор! Ургх чтит договор. Договор это хорошо! По договору теперь это мост Урха Горотряса! — Тролль радостно взмахнул своей дубиной, словно подтверждая свои права на мост. — И Ургх хочет, чтобы за проезд по его мосту ему теперь платили. Да, платили. Золотом, а не бумажками. Бумажки Ургху не нужны, в лесу у его пещеры лопухов много. Лопухи — они лучше, чем бумага. Мягче, да. А вот золота у пещеры — мало. Совсем нет золота. Так что Ургху нужно золото. А бумажки пусть люди себе оставляют, они Ургху совсем без надобности. — Тролль призадумался, пригладил бровь и, сбившись с торжественного тона, добавил: — По крайней мере, до тех пор пока около пещеры лопухов хватает, да.

Артур вздохнул и почесал в затылке, припоминая пункты договора, заключенного с местными фейри в отношении столицы Урала. Никаких параграфов, позволявших моло-

дым троллям захватывать мосты с целью раздобыть побольше золота, ему как-то не вспоминалось.

— Не мог бы уважаемый Ургх напомнить мне, по какому из пунктов заключенного договора это теперь его мост? — подстраиваясь под речь своего собеседника, поинтересовался бард.

Ему и впрямь было очень любопытно. Среди многочисленных разновидностей фейри было не так уж много кланов, способных на ложь, и тролли к ним не относились никоим образом, а значит, данный экземпляр «тролля мостового» и впрямь был абсолютно уверен в своем праве на этот мост. Причину же этой уверенности Артуру и надлежало выяснить. Это как минимум. Как максимум же — рассеять чреватое для людей серьезными финансовыми потерями заблуждение молодого фейри.

— Могу! — радостно ответил на вопрос Артура тролль. — Ургх умный. Ургх договор читал! В договоре сказано, что если Ургх починит сломанный мост или не даст сломаться целому, то мост принадлежит Ургху! Ургх не дал этому мосту рухнуть, и теперь это мост Ургха!

— Но с чего мост должен был разрушиться? — недоуменно спросил Артур, перегнувшись через перила и осматривая массивные каменные опоры старинного моста, без малейших признаков трещин или иных повреждений. — Мост еще прочный и рухнет нескоро!

— Сейчас — да! — еще более довольно ответил тролль. — Сейчас это мост Ургха, и Ургх не даст ему рухнуть. А вот если бы Ургх не пришел, мост упал бы. Совсем скоро упал. Под ним такая гадость лежала, что быстро его бы уронила. Совсем-совсем быстро!

— Что за гадость? — Сейчас Артур уже совсем ничего не понимал.

— Гадкая гадость, — популярно объяснил тролль.

Арт вздохнул. «Интересно, этот тролль случайно в Интернете «капитаном Очевидность» не подрабатывает?» — подумалось ему мельком.

— А можно ли посмотреть на эту гадость? — устало поинтересовался он, вплетая в свой голос Силу и Чистоту.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Вересковый мед, мост тролля и странные новости	5
<i>Глава вторая.</i> Добрая сестренка, или Спасись от праздника.	49
<i>Глава третья.</i> Возвращение в деревню, или Оборотень для полного счастья	90
<i>Глава четвертая.</i> Не можешь — научим, не хочешь — заставим, или Магические методы исцеления.	120
<i>Глава пятая.</i> Дом, милый дом, или Кто хочет драки, тот ее найдет.	173
<i>Глава шестая.</i> Люди и феэри, или Представь телохранителя!	203
<i>Глава седьмая.</i> Как спасти девушку, или Выживи, если сможешь!.	228
<i>Глава восьмая.</i> И что все это значит? Или о пользе любопытства.	269
<i>Глава девятая.</i> И что же нам известно, или Неудачный детектив	292